

БЕРНАР ДАДЬЕ

ЛЮДИ МЕЖДУ ДВУМЯ ЯЗЫКАМИ

Моя задача состоит прежде всего в том, чтобы привлечь внимание к проблемам, которые возникают перед человеком, и особенно перед писателем, живущим в условиях двуязычия.

Двуязычие порождает множество проблем, недостаточно еще исследованных. Дело в том, что сама эта проблема возникла сравнительно недавно, во всяком случае мы не сталкивались с ней так часто, как в наше время, когда образование и культура все быстрее распространяются в молодых странах, где двуязычие было введено новыми законами. Правда, в подобной ситуации люди оказывались уже давно — широко известны примеры таких писателей, как Джозеф Конрад, Фредерик Мистраль, Сэмюель Беккет, но эти явления оставались все-таки единичными и не дают ключа для решения проблемы в целом.

1. ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ДВУЯЗЫЧИЕМ

Стоящую перед нами проблему можно сформулировать следующим образом: каково духовное состояние человека, в детстве овладевшего навыком речи на языке бесписьменном (на который нередко даже те, кто говорит на нем, смотрят как на язык незрелый), а позднее, в школе, изучившего язык, широко распространенный в мире, язык высокой культуры?

Пока что оставим в стороне писателя, ибо писатель не изолирован от окружающей его человеческой среды: сознает он это или нет — он составляет часть этой среды. Прежде всего мы попытаемся описать ситуацию в целом.

Для начала мы лишь отметим, что двуязычие характерно для развивающихся стран — фактор, который имеет немаловажное значение: во-первых, он сплошь и ря-

О проблемах, поднятых в этой статье Бернаром Дадье, писателем Берега Слоновой Кости, см. послесловие Г. Потехиной (стр. 249).

дом определяет эмоциональный, или во всяком случае субъективный, подход к языковым проблемам; во-вторых, он значительно повышает ответственность писателя перед обществом. Подробнее остановиться здесь на этих вопросах мы не сможем, однако необходимо все время иметь их в виду.

Некоторые из общелингвистических проблем, порожденных двуязычием, уже довольно хорошо изучены — например, те, что касаются языковых явлений.

1. Объективные результаты взаимодействия языков

Речь пойдет о проблемах интерференции. Ум ребенка сформировался в неких языковых рамках, и воспринятые им понятия связаны для него с определенной формой. Сама эта форма создается системой двигательных навыков, проявляющейся в произношении известного числа звуков. В соответствующем возрасте (довольно рано во франкоязычных Африке, позднее — в англоязычных странах) он усвоит в школе новый язык, который помогает ему привыкнуть к культуре. И тогда вновь усвоенные языковые навыки войдут в постоянное взаимодействие с ранее приобретенными навыками, которые уже успели придать форму его мысли и ее звуковому выражению.

а) **В плане фонетическом** это выразится, например, в трудности произношения некоторых звуков, несуществующих в родном языке. Хорошая школа помогает преодолеть трудности произношения, однако они не остаются без последствий в каких-то более глубоких пластах сознания.

б) **В грамматическом плане:** ребенок будет стремиться передать на изучаемом языке формы того языка, который уже знает, и этот вид интерференции может оказать чрезвычайно сильное воздействие на развитие его мышления.

в) **В понятийном плане,** наконец, — а это наиболее важный для нашей задачи план, — произойдет взаимодействие того же порядка. К сожалению, это наименее исследованный аспект проблемы. Как известно, языки стремятся воссоздать структуру чувственного мира. Как все социальные явления, они представляют собой попытку человека упорядочить хаос, внести порядок в беспорядочность восприятия, придать форму бесформенному. Но каждый язык делает это по-своему, разными путями приходя к одинаковым результатам. Когда два языка вступают в контакт и как бы соперничают

в одном индивиде, то это означает, в сущности, что в контакт и в конфликт приходят два видения мира. Думаю, со мной согласятся, что ситуация эта — не из легких, в дальнейшем мы постараемся выяснить для себя ее последствия. А сейчас попытаемся разглядеть сущность проблемы на одном из наиболее известных примеров — на том, как в разных языках обозначаются цвета. Каждый язык установил свою цветовую систему, и эти системы нередко разнятся между собой. Все знают, как трудно даже специалистам интерпретировать обозначение цветов у Гомера и Вергилия. Один народ объединяет в едином слове синее и зеленое, другой — синее и черное, третий разлагает на разные цвета ту часть спектра, которая считается у иных одноцветной. В то же время доказано, что, если не считать индивидуальных патологических отклонений, все люди видят цвета одинаковыми. Следовательно, это чисто лингвистическая проблема.

Если столь велики расхождения в таком простом вопросе, как обозначение цвета, каковы же они, когда речь идет о более абстрактных понятиях? Что такое *слава*, *счастье*, *беда*, *причина*, *связь* для тех, чей лингвистический мир отличен от нашего? Что такое *семья*, *плодородие*, *болезнь*, *смерть*? Когда языки имеют общее происхождение, например индоевропейские или еще более близкие — романские или германские, — совпадения довольно часты. Но в случае, который занимает нас, речь идет о языках, весьма отличающихся друг от друга, — тамильский и английский, фон и французский, майя и испанский. Здесь есть все основания полагать, что переход от одного языка к другому может вызвать в мышлении глубокие потрясения.

2. Субъективные результаты взаимодействия языков

Теперь попробуем описать состояние человека, в сознании которого два языка сливаются словно воды двух рек в единое, несущее в себе многовековой человеческий опыт течение.

а) **Интеллектуальный план:** с самого начала приобретение школьных знаний будет затруднено языковыми барьерами. И хотя о школьных проблемах мы говорить здесь не станем, это препятствие следует также иметь в виду. Как бы там ни было, овладение новой культурой, необходимой для стран, находящихся на пути к обновлению, совершается через чужой, иностранный язык. Это справедливо также и для тех довольно многочисленных случаев, когда семья учащегося не владеет европейским языком, на котором ведется школьное обучение.

б) **Психологический план:** мышление такого человека начинает формироваться, питаясь из двух источников, и будет испытывать их соперничающее влияние. Здесь надо иметь в виду следующие психологические факторы: речь идет не о таком человеке, который владеет двумя языками в силу своей

профессии (ведь он стал двуязычным уже после того, как мышление его отлилось в формы родного языка); и не о таком, который свободно выбирает язык или в какой-то степени уже от рождения является двуязычным, поскольку его родители говорят на разных языках. Наше положение совсем иное: второй язык навязан нам внешними потребностями и пользуется престижем, каким не пользуется родной язык, с которым, однако, связана вся эмоциональная жизнь. Легко представить себе конфликты, порожденные подобной ситуацией: некоторые из них, например, могут выродиться в комплекс неполноценности и проявляться в агрессивном поведении.

в) **Социальный и культурный планы:** нельзя забывать, что именно посредством языка осуществляется связь человека с окружающей средой. Образование, полученное не на родном, а на глубоко отличном от него языке, таит в себе угрозу разрыва с этой средой: с общественной средой деревни, квартала, даже семьи. Конечно, какую-то компенсацию человек получает: он приобщается к технической культуре, которая дает ему материальные блага и возможности социального продвижения. Но достаточно ли этой компенсации, чтобы свести на нет действие внутреннего конфликта, ощущения разрыва со своим языком и в связи с этим — вполне понятного чувства вины?

3. Возможно ли преодоление конфликтов, порожденных взаимодействием языков?

Теоретически преодолеть эти конфликты можно, лишь придя к полному, совершенному двуязычию. Такое двуязычие предполагает, во-первых, существование чего-то вроде двойного внутреннего (мыслительно-го) мира, каждая часть которого автономна — это означало бы, что интерференции больше не существует, что ее действие снято. Кроме того, оно предполагает и соответствующее психическое равновесие. Но подобного равновесия добиться трудно.

Добиться его тем труднее, что сама ситуация по-прежнему лишена равновесия. В уже упомянутом нами случае с Сэмюелем Беккетом оба употребляемые им языка обладают (в его глазах, по крайней мере) одинаковым статусом. Но бесписьменные языки часто рассматриваются теми, кто учился в школе, как языки низшие. Их считают едва ли не обреченными на вымирание. И чем сильнее убежден в этом человек, тем острее будет у него чувство вины. Кроме того, два языка, которыми он владеет, функционируют в обществах и ситуациях неидентичных, которые почти никогда не пересекаются. Не свидетельствует ли это о том, что желаемого равновесия достичь трудно? Человек, лишенный этого внутреннего равновесия, не является обладателем двух взаимозаменяемых средств выражения: на самом деле он разорван между двумя мирами, ибо различие языков воспринимается им как отражение многих других различий между народами. Может быть, он просто стоит в точке

соприкосновения двух миров, которые никогда не поймут друг друга?

Но не грозит ли вылиться в раздвоение сознания полное, совершенное владение двумя языками в условиях социального неравновесия, о которых только что говорилось? Как уже было сказано, перед нами то и дело встают вопросы, и нет у нас ни нужных исследований, ни достаточного времени, чтобы дать на них полные и мотивированные ответы. Раздвоение сознания африканских писателей, пишущих по-английски или по-французски, мы ощущаем во всем, написанном ими, пока что это — факт. И разве не является одной из важнейших задач интеллигентов, особенно писателей развивающихся стран, в которых говорят на бесписьменных языках, — взять полностью на себя преодоление этих конфликтов, выявить и объяснить их людям, чтобы помочь своему народу прийти к новому состоянию цивилизации, которая обогатится многообразием ценностей, то есть не отвергнет традиционных элементов, но и не откажет в доверии ценностям, приходящим извне.

4. Можно ли говорить о взаимном обогащении между традиционными и заимствованными языками?

Как же обстоит дело с самими языками? Обогащаются ли они за счет различия между ними и способствуют ли тем самым развитию новых, складывающихся обществ? В этом нет ничего невероятного, но не следует забывать и о подстерегающих опасностях:

а) Местные бесписьменные языки (если энтузиазм говорящих на них людей сохранит им жизнь) включатся в процесс ускоренного развития. В нормальных условиях язык развивается вместе со всей цивилизацией, частью которой является, вслед за культурой и техникой. Он вырабатывается постепенно в соответствии со своей структурой и своими законами. Если социально-культурная система развивается быстро и под влиянием (которое, конечно, неизбежно, но все-таки является чуждым) другой системы, то язык либо не развивается вслед за системой, оставаясь провинциальным, либо претерпевает слишком стремительную трансформацию, которая несет в себе угрозу исчезнуть его. Конечно, иностранное влияние совсем не обязательно оборачивается катастрофой для языка. Пример воздействия французского языка на английский достаточно хорошо доказывает это, но там речь идет о двух равно развивающихся системах, и, кроме того, вклад французского в английский совершался на протяжении многих веков. Быстрое развитие таит в себе опасность обезличить язык. Только в том случае, если стремление сохранить его наряду с языком образования и технической культуры будет проявляться с большой настойчивостью, если удастся привить уважение к нему, этот язык сможет со временем стать языком письменности, образования и займет свое место в общем наследии человечества. Вот вам еще одна немаловажная задача, стоя-

щая перед интеллигенцией наших стран. Но готовы ли деятели культуры взять на себя решение этой задачи?

б) Не подвергается ли, с другой стороны, какому-нибудь риску тот язык (французский, английский, испанский), который стал государственным языком африканской страны, языком общения с миром и проводником новых влияний?

Мы считаем, что для этих языков опасность менее серьезна. Интерференция коснется произношения и части словаря, но, по всей вероятности, при хорошей постановке школьного дела эти языки смогут жить в добром соседстве с местными языками. Было бы достойно сожаления, если рядом с языком интеллигенции и чиновничества, очень близким к подлинному языку, разовьются пиджин и креольские языки, которые станут не только проявлением, но и ферментом социального неравновесия.

Такая ситуация может возникнуть, например, в результате слишком поспешной ликвидации неграмотности или слишком быстрой урбанизации. Но так ли уж на самом деле велика опасность, что европейские языки — инструмент школьной и университетской систем — перестанут быть понятными для тех, чьим родным языком они являются? Не думаем, что жажда независимости, стремление к самоутверждению приведут к подобной деформации языка. Во всяком случае, это нежелательно. Мексиканцы, американцы, франкоязычные канадцы не перестали быть мексиканцами, американцами или канадцами оттого, что говорят на языке, очень близком к их европейской модели. Глубоко ошибаются те, кто считает, что национальная самобытность ограничена языком.

II. ПОЛОЖЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ

1. Выбор языка

Каково же в описанных условиях положение писателя? Если его родной, африканский или азиатский, язык имеет письменную традицию, он может выбрать родной язык. Но в этом случае писатель лишает себя массового читателя, иногда даже внутри своего народа. И поскольку у него есть возможность обратиться к широкой публике, минуя предательство перевода, стоит ли ему отказываться от этой возможности? Если же его родной язык не имеет письменности, а следовательно и читателей (как, например, на Береге Слоновой Кости), такого выбора просто не существует.

И действительно, в большинстве случаев писатели выбирают языки широкого распространения. И тут встает вопрос: способны ли эти языки, поскольку они для писателя не родные, достаточно хорошо выразить его мысли и чувства? Язык всегда в известной мере ведет за собой писателя, ибо нелегко найти грань, отделяющую мысль от лингви-

БЕРНАР ДАДЬЕ
ЛЮДИ МЕЖДУ ДВУМА ЯЗЫКАМИ

стической формы, в которую та облечена. Но мысль нашего писателя питается из двух источников, она получает информацию от двух языковых моделей. А что, если язык, который он избрал и который пока лишь поверхностным образом затронул его страну, возник для выражения совершенно иной социально-культурной жизни? Что, если этот язык не способен передать, не исказив, глубокого содержания, тех духовных ценностей, истоки которых — в древних традициях?

2. Мышление и язык

Все эти вопросы связаны с более общей проблемой, которой мы уже не раз касались, то есть с проблемой взаимоотношения языка и мышления. Долгое время существовало распространенное мнение, что язык выражает мысль, существующую вне его, независимо. В этом случае естественные языки являются лишь несовершенным передатчиком мысли. Современная лингвистика исходит из того, что между мышлением и языком существуют глубокие связи: и то и другое есть лишь две стороны одной и той же системы знаков — стороной обозначаемой и стороной обозначающей. Лингвистике предстоит еще много исследований, прежде чем в этом вопросе будет установлена ясность.

Превосходные работы Жоржа Мунена* о теоретических проблемах перевода оставляют открытым вопрос о том, существует ли универсальная система понятий — метаязык, — переводом которого являются все частные языки, или же наоборот: каждый язык является носителем самостоятельной системы мышления. Для самого автора вопрос состоял в том, возможна ли общая теория перевода. В первом случае — возможна, во втором — невозможна. Но важность этого вопроса выходит за рамки проблемы перевода. Двуязычный писатель не прибегает к переводу: язык произведения рождается где-то в глубине его сознания, и в зависимости от того, как мы ответим на поставленный вопрос, мы будем по-разному оценивать его положение. Если верна гипотеза, что каждый язык есть лишь проявление метаязыка, то дилемма двуязычного писателя, его внутренний конфликт — вымышлены. Если верна другая гипотеза — они реальны.

3. Преимущества многоязычия

Однако на деле вышеназванная альтернатива не так уж проста, ибо универсального метаязыка, в строгом смысле слова, не существует. Такой метаязык образуется постепенно, он есть точка взаимодействия и конфликтов, вызванных ситуацией двуязычия. А следовательно, и наш писатель представляет собой как бы точку, где в результате слияния двух потоков рождается нечто новое. Он избрал чужой язык, но это ставит его в известной мере в положение вне из-

бранного языка, что позволяет ему увидеть этот язык новым, сторонним взглядом. Писатель обнаруживает свою власть над языком. И, что особенно важно, писатель отдает себе отчет в том, что избранный им язык не является универсальным и исключительным средством отражения человеческого опыта. В этом открытии он находит источник обогащения языка и расширения своего понятийного багажа. Таким образом, двуязычие, как и перевод, служит одному и тому же делу: делу распространения человеческой мысли, делу взаимопонимания и солидарности.

Столь плодотворный эффект двуязычия и языкового многообразия сможет осуществиться только в том случае, если это многообразие сохранится, если все устные языки как третьего мира, так и развитых стран найдут свое место в поступательном движении, а не будут им сметены. Мы построили эту статью в защиту двуязычия. То есть мы не только описали реальную ситуацию, но и выражаем нашу заинтересованность в том, чтобы эта ситуация сохранилась. Разве не было бы крайне жаль, если бы исчезли проблемы, которые мы здесь описали? Ведь это означало бы, что исчезнет один из элементов двуязычия, что какие-то языки будут начисто и целиком забыты. У этих языков есть две возможности. Первая — превратиться в достояние академической науки, подобно египетскому или ассирийскому. Вторая, более естественная, состоит просто в том, чтобы на них продолжали говорить. Будет весьма прискорбно, если социальный и культурный престиж, техническая эффективность вторых языков столкнет во мрак казвения исторические языки целого континента, вставшего на путь экономического развития. Не кажется ли вам, что уменьшение числа разговорных языков в мире может привести к обеднению всего человечества?

Однако не следует закрывать глаза и на неизбежные издержки эволюции. С изменением образа жизни, с развитием образования все формы устной традиции, как в поэтическом ее выражении, так и в практическом (то, что ученые называют этнонаукой, то есть, проще говоря, народная наука), могут навсегда исчезнуть. Вот почему перед интеллигентом развивающейся страны стоит двойная ответственность: не только вести за собой свой народ к овладению широким миром культуры, используя для этого второй язык, но и оберегать, фиксировать, воспроизводить, отливая в законченные формы, традиционное устное наследие.

Вот несколько тем для размышлений и дискуссий. Малый многоязычный мир, который мы, африканские писатели, представляем собой, дает идеальную возможность для подобного обсуждения. Ведь Вавилонская башня — не только храм великой путаницы, она может стать генератором интеллектуальной энергии, где слияние разных источников ведет к духовному становлению единого и миролюбивого человечества.

* Известный французский ученый, автор книг по теории перевода.